

Александр Гудеев

Девять лет дождя

18+

Александр Гудеев

Девять лет дождя

<https://litres.ru/74681074>

SelfPub; 2026

Аннотация

Драма о вине, памяти и хрупкой попытке вернуться к жизни после того, как привычный мир рухнул.

Содержание

Глава первая. Утро	4
Глава вторая. Дорога	19
Глава третья. Больница	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Девять лет дождя

Глава первая. Утро

Елена проснулась до будильника. Так происходило почти каждое утро последние несколько месяцев: глаза открывались в темноте, ещё до того, как за окном начинал сереть город, и несколько секунд она лежала неподвижно, пытаясь понять, почему проснулась. Потом взгляд неизбежно оставливался на пустой половине кровати.

Рядом с ней никто не спал уже давно, но привычка всё ещё сохраняла форму человека. На смятой подушке оставалась неглубокая впадина, хотя Елена каждый вечер расправляла постель перед сном. На прикроватной тумбочке стояла вторая чашка — белая, с тонкой трещиной возле ручки. Она не пользовалась ею, но и выбросить не могла. Между двумя чашками лежали очки, блистер таблеток и фотография в тёмной деревянной рамке.

Елена протянула руку и взяла снимок. На фотографии ей было тридцать два. Волосы ещё не тронула седина, лицо казалось мягче, чем теперь, а рядом стоял Андрей — высокий, худощавый, с привычно чуть прищуренными глазами. Между ними, крепко держась обеими руками за их ладони, стояла Лиза. Ей было семь. На голове — два неровных хвостика, на жёлтом платье несколько пятен от травы, а передние зубы

ещё не успели окончательно вырасти после недавней смены.

Лиза смеялась.

Елена провела пальцем по стеклу. На мгновение задержалась над дочерним лицом. Потом поставила фотографию обратно.

Будильник зазвонил в 6:40. Она выключила его ещё до второго сигнала.

Квартира встретила её той особенной тишиной, которая появляется не тогда, когда в доме никого нет, а когда в нём слишком долго не хватает одного человека. В коридоре стояла обувь Андрея. Старые коричневые ботинки, которые он собирался выбросить ещё прошлой зимой. Елена несколько раз переставляла их с места на место, но так и не решилась убрать.

Андрей оставил свои ботинки в прихожей через несколько месяцев после аварии, когда впервые вернулся за вещами после того, как они с Еленой решили жить отдельно. К тому времени Лиза уже вернулась из больницы, и Андрей старался не менять её привычный дом резкими переменами. Он собирался забрать всё необходимое, но не смог решить, что считать необходимым. Взял документы, несколько рубашек, зарядку, книгу, которую читал в поезде, и забыл бритву. Елена стояла в кухне и слышала, как он открывает шкафы. Они не ругались. Между ними было слишком много слов, и любое из них могло стать последним, поэтому оба говорили только о вещах.

Перед уходом Андрей остановился у двери. Он посмотрел на ботинки, затем на Елену и спросил, можно ли оставить их пока здесь. Она кивнула. Он хотел сказать что-то ещё, но вместо этого попросил не выбрасывать старые фотографии Лизы, если она будет разбирать комнату. Елена ответила, что не станет. Андрей ушёл, и дверь закрылась так тихо, что она услышала, как в соседней квартире включили воду.

Через неделю она переставила ботинки к шкафу. Через месяц убрала их под скамью. Зимой достала, чтобы протереть подошвы от пыли, и поставила обратно на коврик. Каждый раз ей казалось, что она делает последнее движение, после которого сможет жить дальше. Но вещи оставались на месте, и вместе с ними оставалось ощущение, что уход Андрея не был окончательным, хотя она сама не имела права требовать его возвращения.

Теперь она выравнивала ботинки по краю коврика и оставила их там. Не как приглашение вернуться и не как памятник прежней жизни. Просто как вещь, которая принадлежит человеку, с которым ей ещё предстояло научиться разговаривать честно.

В прихожей она заметила, что дверной коврик загнулся уголком. Елена опустилась на колени, разгладила его и прижала ладонью. Под ковриком сохранилась тонкая песчаная полоса, занесённая с улицы. Она вымела песок, сложила щётку в шкаф и ещё раз проверила край коврика. Тот лежал ровно, без складок и волн.

На стене напротив висело круглое зеркало в потемневшей бронзовой раме. Когда-то они купили его на блошином рынке почти случайно. Андрей хотел взять другое, большое и современное, но Елена выбрала это — с маленькими царапинами по краям и неправильным отражением, слегка искажавшим лицо. Теперь, проходя мимо, она почти никогда не смотрела на себя.

Когда Елена и Андрей только переехали в эту квартиру, зеркало висело в прихожей чуть ниже уровня глаз. Лиза была совсем маленькой и часто вставала перед ним на носки, чтобы увидеть всё лицо. Она строила рожицы, пряталась за дверью и внезапно появлялась в отражении, пугая родителей. Андрей однажды сказал, что зеркало не умеет хранить секреты, потому что показывает даже то, что человек пытается скрыть. Елена ответила, что иногда отражение просто не понимает, на что смотрит.

Позже Лиза придумала игру: каждый должен был назвать одну вещь, которую видит в зеркале, и одну, которую нельзя увидеть. Андрей говорил, что видит усталость и не видит мыслей. Елена отвечала, что видит улыбку, но не может увидеть, настоящая ли она. Лиза всегда говорила последней: «Я вижу вас обоих, но не вижу, о чём вы думаете, когда молчите». Тогда они смеялись, считая это детским наблюдением. Теперь Елена понимала, что дочь заметила их молчание задолго до того, как взрослые признали его проблемой.

Зеркало пережило несколько ремонтов. Андрей менял

крепление, когда оно расшаталось, а Елена протирала раму мягкой тканью, чтобы не стереть бронзовый оттенок. После аварии она однажды хотела снять его и выбросить. Ей казалось, что в отражении она каждый раз видит женщину, которая уехала с места столкновения. Но Андрей попросил оставить зеркало. Он сказал, что предмет не виноват в том, что человек не смог посмотреть на себя. Елена не ответила, но зеркало осталось.

Теперь, проходя мимо, она остановилась и посмотрела на своё отражение. Лицо было усталым, под глазами лежали тени, волосы заметно поседели. Она не стала поправлять их или отворачиваться. Несколько секунд просто смотрела на себя, признавая, что человек в зеркале — это она, а не кто-то, кого можно обвинить вместо себя. Потом отвела взгляд и пошла на кухню.

На кухне было холодно. Она включила свет и сразу увидела рисунок на холодильнике. Он висел там девять лет. Лист бумаги пожелтел по краям, магнит давно потерял первоначальный блеск, а краска на рисунке местами выцвела от солнца. Дом с красной крышей. Большое дерево. Три человека перед крыльцом. Над ними — солнце размером почти с половину неба.

Елена помнила, как Лиза любила сидеть на кухонном подоконнике, хотя ей постоянно говорили, что так нельзя. Девочка устраивалась боком, подтягивала колени и смотрела на двор, где люди спешили по своим делам. Андрей однажды

сделал для неё маленькую подушку, чтобы сидеть было удобнее. Елена ворчала, что подушка собирает пыль, но всё равно стирала наволочку каждую неделю. Когда Лиза подросла, подоконник стал ей тесен, однако подушка ещё долго лежала там, пока не выцвела и не потеряла форму.

В последний год перед аварией они всё чаще сидели на кухне порознь. Андрей возвращался поздно, Елена ужинала без него, Лиза делала уроки в комнате. Иногда они встречались за столом, но каждый приносил с собой собственную усталость. Разговор начинался с обычного вопроса и быстро превращался в обмен упрёками. Лиза пыталась рассказывать о школе, но родители перебивали друг друга, и она замолкала. Позже Андрей вспоминал эти вечера и думал, что должен был остановить ссоры раньше. Елена думала то же самое, но оба слишком долго верили, что ещё успеют всё исправить.

Однажды Лиза поставила на стол три чашки и сказала, что они должны пить чай вместе хотя бы десять минут. Андрей согласился сразу. Елена посмотрела на часы, сказала, что ей нужно закончить письмо, но всё-таки села. Первые минуты они молчали. Потом Лиза рассказала, как на уроке рисования перепутала воду для кистей с водой для питья, и все засмеялись. На несколько минут разговор стал лёгким. Елена запомнила этот вечер, но не поняла тогда, что дочь сама пыталась удержать семью рядом, потому что взрослые уже не умели сделать это без её помощи.

Лиза нарисовала его в восемь лет. Елена помнила этот

день. Не хотела помнить, но помнила.

Когда Лиза была маленькой, она умела превращать любое ожидание в игру. Пока Елена собиралась на работу, дочь сидела на полу у двери и раскладывала пуговицы по цветам. Пока Андрей искал ключи, Лиза считала шаги от кухни до прихожей и объявляла, что сегодня их ровно двадцать семь. Она замечала мелочи, на которые взрослые не обращали внимания: трещину на кафеле, скрип третьей ступеньки, крошечную дырочку в кармане папиного пальто. Если что-то менялось, она спрашивала почему, и ответ редко удовлетворял её с первого раза.

Елена иногда уставала от бесконечных вопросов. После рабочего дня ей хотелось тишины, а Лиза могла целый вечер рассказывать, что увидела по дороге из школы. Андрей слушал внимательнее, задавал встречные вопросы и помогал дочери придумать продолжение истории. Елена наблюдала за ними из кухни и чувствовала, как в ней одновременно поднимаются нежность и раздражение. Она любила эту жизнь, но временами ей казалось, что внутри неё самой осталось слишком мало места для чего-то, кроме заботы о других.

Однажды Лиза спросила, почему мама иногда смотрит в окно так, будто ждёт кого-то, кто не придёт. Елена тогда рассмеялась и ответила, что просто думает о работе. Девочка не поверила, но спорить не стала. Вечером она нарисовала три фигуры под большим зонтом. У одной фигуры были опущены плечи, у другой — раскрытые ладони, а третья держа-

ла зонт над всеми сразу. На обороте Лиза написала: «Когда кому-то грустно, надо подвинуться ближе, а не спрашивать, почему».

Рисунок оказался среди бумаг на холодильнике, и Елена долго не замечала его. Она увидела его только тогда, когда Лиза принесла домой новую работу и попросила освободить место. Мать сняла старый лист, собираясь выбросить, но дочь выхватила его из рук. «Этот оставь. Он ещё нужен», — сказала она. Елена спросила, кому он нужен, и Лиза пожала плечами. «Пока не знаю». После этого рисунок переехал на холодильник и остался там на годы.

Она открыла холодильник. Внутри стояли йогурт, молоко, половина лимона и коробка клубники. В дальнем углу лежал небольшой торт в прозрачной упаковке. Сегодня Лизе исполнялось семнадцать.

В холодильнике стояли продукты, которые Елена покупала почти автоматически. Она продолжала брать йогурт с клубникой, хотя сама предпочитала натуральный, и иногда клала в корзину маленькую упаковку сока, который Лиза любила в начальной школе. В магазине она замечала эти вещи только у кассы. Тогда могла вернуть их на полку, но обычно оставляла в пакете, потому что решение выбросить или отдать казалось окончательнее, чем покупка.

На двери холодильника висел магнит из поездки к морю. Он изображал маленький маяк, а на обратной стороне Лиза написала дату и слово «вернёмся». Елена не помнила, обе-

щали ли они приехать туда снова или дочь просто хотела сохранить место в памяти. Магнит держался на одном углу и медленно сползал вниз. Она поправила его, затем закрыла дверцу и несколько секунд слушала, как компрессор начинает работать.

Она понимала, что в квартире слишком много предметов, сохранённых не потому, что они нужны, а потому, что когда-то принадлежали Лизе. Но избавляться от них по списку казалось жестоким. Елена не хотела превращать утрату в генеральную уборку, где каждый предмет должен доказать своё право остаться. Она начала с малого: убрала испорченные продукты, вымыла полку, вытерла капли воды. Магнит оставила на прежнем месте.

На кухонной полке стояла банка с засахарившимся мёдом. Елена сняла крышку, посмотрела на янтарную поверхность и поставила банку в раковину. Вода постепенно размягчила липкий слой по краям. Она вымыла стекло, вытерла его насухо и убрала на дальнюю полку, освобождая место для обычных чашек. Когда закончила, кухонная поверхность выглядела просторнее, но пустота сразу бросилась в глаза.

Елена достала торт. Поставила его на стол. Открыла коробку. Кондитер украсил верх тонкими шоколадными завитками и семнадцатью маленькими ягодами. Всё было сделано точно так, как она просила.

Торт был не просто сладостью. Елена заказала его в той же маленькой кондитерской, куда они ходили с Лизой после

школьных праздников. Продавщица, давно сменившаяся, не узнала её, но записала пожелания аккуратно, уточнила, не слишком ли сладким должен быть крем, и предложила добавить ягоды. Елена сказала, что дочь любила ягоды. Она не стала объяснять, что не знает, любит ли Лиза их теперь, и что вкус человека может измениться за девять лет так же сильно, как голос или походка.

В тот день, когда Лизе исполнилось восемь, она выбрала торт с белой глазурью и маленькими шоколадными звёздами. Андрей принёс его домой в коробке, которую держал обеими руками, будто нёс что-то хрупкое и важное. Лиза шла рядом и всё время заглядывала под крышку, пока Елена не попросила её подождать до дома. Девочка согласилась, но на лестнице всё-таки подняла уголок картона. «Я только проверяю, не убежали ли звёзды», — сказала она.

Теперь Елена поставила коробку на стол и не открыла её сразу. Она провела ладонью по крышке, будто проверяла, не осталась ли на ней вмятина. Потом сняла бумажную ленту и откинула картон. Семнадцать ягод лежали ровным кругом, а в центре не было ни надписи, ни свечей. Она решила купить свечи отдельно, но так и не достала их из сумки. Ей казалось, что зажечь огоньки без Лизы было бы не праздником, а попыткой притвориться, будто всё ещё можно устроить по правилам.

Она достала из шкафа тарелку. Потом вторую. Остановилась. Вторая тарелка осталась на столе. Елена долго смотре-

ла на неё, словно пыталась вспомнить, зачем достала. Затем поставила рядом третью.

Три тарелки. Как на старой фотографии.

Она отвернулась. Через минуту две тарелки вернулись в шкаф. Третья осталась.

Дождь оставлял на стекле извилистые дорожки. Вода собиралась на подоконнике, отражала кухонную лампу и дрожала от проезжавших машин. Елена двигала предметы по столу, создавая между ними равные промежутки, но пустое место напротив неё оставалось шире, чем прежде.

Торт постепенно терял холод, крем становился мягче. На прозрачной крышке оседали крошечные капли. Елена несколько раз подходила к столу, поправляла коробку и отступала, не притрагиваясь к угощению.

Телефон коротко завибрировал в её ладони. Елена вздрогнула, включила экран и увидела ряд одинаковых отметок о пропущенных вызовах. Она не открыла их, а сразу перешла к фотографиям, где лицо Лизы сменялось от снимка к снимку.

Елена долго не решалась открыть сообщения от Лизы. Когда она наконец нажала на уведомление, экран показал короткую фразу: «Ты помнишь, что обещала мне?» Сообщение было отправлено за несколько дней до госпитализации. Елена перечитала его и попыталась вспомнить, какое обещание дочь имела в виду. Она вспоминала разговоры о встрече, о фотографиях, о том, что когда-нибудь они поговорят без Андрея. Возможно, Лиза спрашивала именно об этом. Воз-

можно, о чём-то другом. Ответа уже нельзя было получить.

Ниже стояло ещё одно сообщение: «Я не хочу, чтобы ты снова исчезла, если я буду злиться». Елена закрыла рот ладонью. Она вдруг поняла, что дочь не просила её быть идеальной, не требовала немедленного прощения и не ожидала, что мать найдёт правильные слова. Лиза просила только не уходить, когда станет трудно. Именно этого Елена боялась больше всего: остаться рядом и увидеть собственную вину в глазах дочери.

Она набрала ответ: «Я не исчезну». Палец завис над кнопкой отправки. Сообщение было слишком поздним, но всё ещё могло быть правдой, если бы Елена приехала раньше. Андрей оставил телефон Лизы включённым и поставил его на зарядку в больничной тумбочке; поэтому сообщение дошло, хотя сама Лиза не могла его прочитать. Елена нажала отправку. На экране появилась отметка доставки, но не прочтения. Она положила телефон на стол и впервые не стала удалять отправленное сообщение. Пусть оно останется там, даже если ответа не будет.

На экране появилась Лиза, которой было шестнадцать. Длинные волосы собраны в хвост, на ней чёрная куртка, а в руках скейтборд. Она стояла возле школьного забора, чуть повернувшись к камере. Снимок сделал Андрей.

Елена провела пальцем по экрану. Следующий снимок. Лиза в четырнадцать. В тринадцать. В одиннадцать. В девять. В восемь. В пять. В два.

Последняя фотография была сделана в роддоме. Маленькое красное лицо, закрытые глаза, крошечный кулак возле щеки.

Елена остановилась. Её палец замер над экраном. Потом телефон выскользнул из руки и упал на стол. Она не подняла его.

За окном проходили люди. Город просыпался. Машины двигались по мокрой дороге, на остановке собирались пассажиры, где-то в соседнем доме хлопнула дверь. Обычное утро продолжалось. Только для Елены оно уже девять лет оставалось одним и тем же утром. Тем самым утром, после которого ничего больше не вернулось на прежнее место.

Серый рассвет медленно просачивался сквозь шторы. На мебели лежали неподвижные полосы света, а в глубине квартиры потрескивали трубы. Елена двигалась осторожно, почти бесшумно, словно любое резкое движение могло нарушить хрупкий порядок, который она годами поддерживала вокруг себя.

Она поправила края покрывала, выровняла чашки и протёрла столешницу, хотя на ней не было ни пятнышка. Каждое движение повторялось с почти болезненной точностью. Только пальцы иногда замирали на полпути, и тогда она долго стояла, глядя на предмет, который держала.

В ванной Елена долго держала ладони под тёплой водой. Пар затянул зеркало, и её отражение распалось на размытые очертания. Она провела рукавом по стеклу, открыв только

небольшую полосу на уровне глаз, затем выключила воду. На краю раковины лежала вторая зубная щётка, давно потерявшая цвет. Елена не выбросила её, но каждый раз, когда брала свою, случайно задевала чужую и отдёргивала руку.

Она открыла шкаф, сняла с плечиков тёмное пальто и надела его. Рядом висела лёгкая куртка Андрея, забытая после последнего совместного выхода. Один рукав вывернулся наружу, на подкладке темнело небольшое пятно. Елена расправила ткань, осторожно убрала рукав внутрь и закрыла дверцу. Через мгновение снова открыла её, коснулась куртки двумя пальцами и только потом отошла.

Перед выходом Елена остановилась возле вешалки. На самом нижнем крючке всё ещё висел маленький красный шарф. Когда-то Лиза носила его каждую зиму. Теперь ткань стала слишком короткой даже для ребёнка младшего возраста.

Елена сняла шарф. Прижала к лицу. Закрыла глаза. Запах давно исчез. Осталась только память о нём.

Затем она вышла из кухни и направилась к двери. За её спиной остались торт, три тарелки, фотография и рисунок с тремя людьми, которые всё ещё держались за руки.

На лестничной площадке пахло мокрой шерстью и свежим хлебом. Соседская дверь открылась, и маленькая девочка выскочила в коридор, едва удерживая на плече слишком большой рюкзак. За ней поспешила мать, поправила ремни и застегнула верхнюю пуговицу пальто. Елена остановилась

у перил. Девочка подняла лицо к матери, та улыбнулась и пригладила ей волосы. Елена медленно спустилась на этаж ниже.

У подъезда ночной дождь оставил на асфальте длинные отражения фонарей. Елена обошла лужу, но у края тротуара остановилась: в воде плавал маленький жёлтый лист, похожий на треугольный кусочек ткани. Она присела, подняла листок и положила на сухую часть бордюра. Ветер сразу сдвинул его обратно в воду. Елена выпрямилась и пошла дальше, не оглядываясь.

Глава вторая. Дорога

Автобус был почти пуст. Елена сидела у окна. За стеклом медленно проплывали дома. Она смотрела на людей, ожидавших перехода: на мальчика с рюкзаком, на пожилую пару, на женщину, которая держала ребёнка за руку.

Автобус двигался медленно, останавливаясь почти на каждом перекрёстке. Елена смотрела на людей, которые входили и выходили, и пыталась представить, куда они направляются. Девушка с бумажным пакетом держала его на коленях, прижимая к груди, чтобы не помять цветы. Мужчина в сером пальто читал сообщение, затем стирал его и снова набирал. Мальчик у окна рисовал пальцем круги на запотевшем стекле. Все эти действия были настолько обычными, что Елена почувствовала странное облегчение: мир не требовал от неё объяснять, почему она здесь.

Она вспомнила, как Лиза в детстве всегда выбирала место у окна. Девочка называла остановки по цветам домов и придумывала истории о людях, которые выходили из автобуса. Если кто-то нёс пакет, Лиза могла решить, что там подарок; если человек смотрел на часы, значит, он опаздывал на важную встречу; если женщина держала цветы, она ехала мириться. Андрей смеялся и говорил, что дочь пишет романы по одному взгляду. Елена отвечала, что не стоит придумывать за незнакомцев. Лиза говорила: «Но если не придумывать»

мывать, они будут просто проходить мимо».

Теперь Елена пыталась не придумывать за дочь. Она не знала, о чём Лиза думала перед уходом, что хотела сказать матери и почему оказалась на дороге. Она могла строить версии, но каждая из них была бы лишь её собственным страхом, замаскированным под ответ. Поэтому она позволила вопросам остаться открытыми. Не все истории получают завершение, и не каждый пробел можно заполнить правдой. Иногда честнее признать, что не знаешь.

Мальчик вдруг вырвался и побежал вперёд. Мать резко дёрнула его обратно. Елена в автобусе отвернулась. Её отражение в окне стало темнее.

Она достала телефон. В журнале вызовов сохранились десятки пропущенных звонков от Лизы — за последние дни перед тем, как дочь нашли у дороги. Елена тогда не ответила ни на один. Она погасила дисплей, подержала телефон в ладони, затем снова включила его и открыла галерею.

Вечером перед последним уходом Лиза стояла у окна в куртке и смотрела на дорогу. Андрей заметил, что она собрала рюкзак, но не стал спрашивать, куда она направляется. Он боялся, что вопрос прозвучит как запрет, а запрет заставит её уйти быстрее. Вместо этого он предложил приготовить ужин. Лиза покачала головой. Он спросил, хочет ли она взять с собой немного денег. Она долго смотрела на него, потом написала: «Мне нужно решить кое-что самой».

Андрей хотел сказать, что самостоятельность не означает

необходимость исчезать. Хотел напомнить, как долго искал её в прошлый раз, как не спал всю ночь, как боялся, что не найдёт. Но он увидел, что Лиза уже приготовилась к спору, и решил не начинать его. Он только попросил сообщить, что она в безопасности. Лиза кивнула, и этот кивок показался ему обещанием. Он не знал, что она уже сомневается, сможет ли выполнить его.

Она вышла без хлопка двери. Андрей услышал щелчок замка и ещё несколько секунд стоял в прихожей. Потом взял телефон и набрал её номер. Гудки шли долго, но никто не ответил. Он написал сообщение, затем позвонил ещё раз. На улице начинался дождь. Андрей надел пальто, вышел и пошёл к остановке, не зная, куда направиться первым. В тот вечер он не позволил себе думать о худшем, но страх всё равно шёл рядом с ним, как человек, которого невозможно обогнать.

Первый раз она позвонила Андрею через две недели после аварии. Она сидела в съёмной комнате, держа телефон обеими руками, и ждала, когда он ответит. Гудки звучали коротко и ровно. Когда Андрей поднял трубку, Елена не смогла произнести ни одного слова. Он сказал её имя, затем спросил, где она. Она слышала в его голосе усталость и страх, но не могла заставить себя ответить. Через несколько секунд он отключился.

Она написала сообщение, но не отправила. В нём было слишком много объяснений и слишком мало того, что мог-

ло бы изменить случившееся. Она пыталась написать «прости», но слово выглядело пустым. Писала «я боюсь», но это звучало как просьба пожалеть её. Писала «я приеду», но не могла представить, как войдёт в больничную палату. В конце концов она стёрла всё и выключила телефон.

Второй раз она позвонила через несколько месяцев, когда узнала от общего знакомого, что Лиза вернулась домой. Андрей ответил не сразу. Он сообщил, что дочь постепенно восстанавливается, что ей трудно говорить и что она пока не готова к встрече. Елена спросила, можно ли передать ей подарок. Андрей сказал, что спросит. Через день он написал, что Лиза не захотела ничего принимать. Елена прочитала сообщение и почувствовала, что её страх сбылся. Она не поняла, что отказ был правом дочери, а не приговором, вынесенным навсегда.

Позже она стала воспринимать каждый пропущенный вызов как доказательство, что не должна вмешиваться. Она говорила себе, что не хочет причинять дочери боль, хотя на самом деле боялась услышать прямое «не приезжай». Молчание позволяло ей сохранять надежду, что когда-нибудь всё произойдёт иначе. Оно же лишало Лизу возможности самой решить, хочет ли она видеть мать. Елена не замечала, что защищает прежде всего себя.

Она открыла фотографию контакта. На фотографии была Лиза, которой недавно исполнилось шестнадцать: длинные волосы, серьёзный взгляд, букет цветов в руке. Елена про-

вела пальцем по экрану. Фотография сменилась: Лиза была младше, лет десять. Потом шесть. Потом три.

Последней открылась фотография, на которой ей был примерно год. Елена закрыла глаза.

Автобус тронулся с места рывком. Елена схватилась за поручень, а сумка ударилась о колено. За окном город скользил полосами: серые фасады, мокрые деревья, витрины, в которых ещё не погасли ночные лампы. На каждом перекрёстке люди переходили дорогу небольшими группами. Кто-то торопился, кто-то прятал лицо в воротник, кто-то нёс цветы, прижимая их к груди.

На соседнем сиденье женщина держала спящего младенца. Голова ребёнка покачивалась при каждом повороте, и женщина поправляла одеяло, не выпуская маленькую ладонь из своей. Елена смотрела на их отражение в стекле. В какой-то момент ребёнок проснулся, сморщил лицо и заплакал. Женщина прижала его к плечу, покачала, и плач постепенно стих. Елена сжала ремешок сумки так сильно, что побелели пальцы.

У остановки вошёл мужчина с мокрым зонтом. Он встряхнул его у двери, стараясь не задеть пассажиров, и встал неподалёку. На его рукаве блестели капли, а на ботинке прилипла узкая полоска грязи. Елена отодвинулась к окну, пропуская его, хотя между ними и так оставалось достаточно места. Она продолжала следить за дорогой, пока собственное отражение не заслонило улицу.

Автобус проехал мимо небольшого парка. На площадке рабочий собирал скамейки после ночного дождя, переворачивая деревянные планки и вытирая их ветошью. На качелях висела тонкая цепь, и ветер медленно раскачивал пустое сиденье. Елена повернулась вслед за парком, пока тот не исчез за поворотом. Затем опустила взгляд на свои колени и долго разглаживала складку на пальто.

На перекрёстке автобус задержался перед красным сигналом. По переходу шёл пожилой мужчина с тростью, осторожно ставя ногу на каждую белую полосу. Водитель не торопил его, хотя за автобусом уже выстроились машины. Мужчина добрался до тротуара, остановился отдышаться и поднял руку в коротком жесте благодарности. Елена опустила глаза, а когда снова посмотрела в окно, сигнал уже сменился.

В салоне кто-то уронил перчатку. Она упала возле задней двери и проскользнула под сиденье. Девушка в ярком шарфе наклонилась, достала её и передала владельцу — маленькому мальчику, которого держала за плечи бабушка. Мальчик прижал перчатку к груди. Елена следила за ними, пока автобус не свернул на широкую улицу, где деревья стояли голыми и тёмными.

На стекле рядом с Еленой остался след от детской ладони. Пять пальцев расплывались в мутном пятне, поверх которого медленно стекала вода. Елена приложила к стеклу свою ладонь, не касаясь поверхности, и сравнила размеры. Её пальцы казались слишком длинными. Она убрала руку

и отвернулась к проходу, где поручни дрожали при каждом неровном участке дороги.

Когда двери открылись, ветер занёс в салон несколько сухих листьев. Один прилип к подошве Елены. Она заметила его уже на ступеньке, сняла пальцами и отпустила на тротуар. Лист покружился в потоке воздуха и исчез под колесом припаркованной машины. Елена поднялась по больничным ступеням, медленно расправляя пальцы, озябшие на ветру.

У входа она стряхнула с рукавов капли и сложила зонт. Вода стекла по ткани на плитку, оставив несколько тёмных точек.

У входа в больницу Елена задержалась под навесом. Ветер загонял дождевые капли под крышу, и люди теснились ближе друг к другу, стараясь не смотреть в лица соседей. Мужчина в рабочей куртке держал в руках бумажный пакет с апельсинами; женщина рядом осторожно прикрывала ладонью стакан с кофе. Каждый ожидал своего автобуса, своего звонка, своего короткого объяснения, почему день пошёл не так. Елена вдруг подумала, что у каждого человека есть своя больница, даже если он никогда не переступал её порог.

Она достала из сумки пропуск, который получила в прошлый визит, и разгладила его большим пальцем. На фотографии лицо выглядело спокойнее, чем сейчас. В тот день она ещё верила, что если будет говорить тихо, не задавать лишних вопросов и делать всё, что велят врачи, то сможет постепенно приблизиться к дочери. Теперь ей казалось, что

она всё время ищет правильный способ войти в палату, хотя дверь открывается обычной ручкой.

У входа стояла пожилая женщина с букетом жёлтых хризантем. Она несколько раз пыталась завернуть стебли в бумагу, но ветер расправлял её, и цветы снова открывались наружу. Елена помогла ей удержать пакет, пока женщина завязывала ленту. Та поблагодарила и спросила, не к кому ли из родных Елена приехала. Елена ответила: «К дочери». Женщина кивнула так, будто этих двух слов было достаточно, и больше ничего не спросила.

Перед стеклянными дверями Елена остановилась и посмотрела на своё отражение. Пальто было застёгнуто неровно, волосы выбились из-под воротника, а лицо казалось серым от бессонницы. Она поправила воротник, но не стала приглаживать волосы. Впервые за долгое время ей не захотелось выглядеть человеком, у которого всё под контролем.

В холле Елена сняла перчатки и положила их в карман. На пальцах остались бледные полосы от швов. Она растёрла ладони, затем медленно надела перчатки обратно, разглаживая каждый палец. Только после этого направилась к лифту, где на металлической двери дрожал тусклый свет потолочных ламп.

На стене холла отражались люди, проходившие к лифтам. Елена задержалась возле зеркальной панели, поправила воротник и убрала выбившуюся прядь волос. Отражение повторило движения с небольшой задержкой, пока двери лиф-

та не открылись.

В тот день, когда Лиза впервые пришла в больницу после аварии уже не как пациентка, а на контрольный осмотр, Андрей принёс ей небольшой блокнот. Он выбрал его в магазине возле остановки: тёмная обложка, плотные страницы, закладка из синей ленты. Лиза долго рассматривала подарок, затем написала на первой странице: «Для того, что не помещается в разговор». Андрей прочитал и кивнул. Он не спросил, будет ли она писать о нём. Он только сказал, что блокнот принадлежит ей и она может заполнять его чем угодно.

С тех пор Лиза часто носила блокнот с собой. В нём были короткие заметки о людях, которые встречались ей в автобусе, рисунки окон, названия песен, фразы из книг и вопросы, которые она не решалась задать отцу. Иногда она записывала слова, которые хотела бы произнести вслух, но не могла. Некоторые страницы оставались пустыми, потому что мысль исчезала, когда она пыталась её удержать. Андрей не читал блокнот без разрешения. Он понимал, что доверие нельзя восстановить, если снова отнять у дочери право на собственную тишину.

Когда Лизе исполнилось четырнадцать, она показала ему одну страницу. Там была нарисована дверь, а перед ней — человек с поднятой рукой. За дверью стоял ещё один силуэт, но лицо его не было прорисовано. Под рисунком Лиза написала: «Иногда человек стучит не для того, чтобы его впустили. Он хочет знать, что его слышат». Андрей спросил, отно-

сится ли это к кому-то конкретному. Лиза закрыла блокнот. Он не стал настаивать, но долго думал о том, что дочь могла говорить о матери, о нём или о себе самой.

Глава третья. Больница

Коридор был слишком белым. Елена сидела на стуле напротив закрытой двери. На стене висели часы; секундная стрелка двигалась рывками. Она следила за ней, пока минуты складывались в долгие, бесформенные отрезки ожидания.

Дверь открылась. Вышел врач, снял маску и сел рядом. Елена посмотрела на него. Он достал планшет, положил на колени и заговорил тихо, подбирая слова: Лизу нашли без сознания у дороги после того, как она ушла из дома. У неё была тяжёлая травма головы и сильное переохлаждение. Врачи смогли стабилизировать дыхание, но состояние оставалось критическим; ближайшие дни покажут, удастся ли избежать осложнений.

В первые дни Елена пыталась запоминать каждое слово врача, но позже поняла, что память удерживает не медицинские объяснения, а паузы между ними. Она помнила, как врач снимал очки, прежде чем ответить на вопрос; как медсестра поправляла одеяло, не отрывая взгляда от монитора; как Андрей стоял у окна, будто хотел найти за стеклом ответ, которого не было в палате. Она помнила запах антисептика и гул вентиляции. Всё остальное распадалось на отдельные фразы, которые она повторяла себе ночью.

Елена начала различать людей в отделении по шагам. У

одной медсестры обувь тихо поскрипывала, другая всегда останавливалась у двери, прежде чем войти. Врач, который вёл Лизу, говорил негромко и никогда не торопил родителей с вопросами. Елена запоминала эти мелочи, потому что они давали ощущение порядка. Если она знала, кто идёт по коридору, то могла хотя бы на секунду подготовиться к словам, которые услышит.

Однажды медсестра заметила, что Елена уже несколько часов не выходила из палаты, и предложила пройти по коридору. Елена отказалась. Медсестра не стала спорить, но оставила рядом стакан воды и сказала, что если Елена потеряет силы, ей будет труднее помогать дочери. Эти слова прозвучали не как упрёк, а как простая правда. Елена выпила воду и впервые за день вышла к окну в конце коридора. На улице шёл снег, и дворник медленно очищал дорожку, хотя через несколько минут она снова покрывалась белым.

Елена поняла, что забота о себе не означает отворачиваться от Лизы. Она могла выйти на пять минут, поесть, поспать и вернуться. Это не меняло того, что случилось, но позволяло оставаться рядом не только телом, но и вниманием. В тот вечер она попросила Андрея принести ей тёплую кофту из дома. Он кивнул, а на следующий день принёс ещё и мягкий шарф, который Лиза когда-то выбрала ему в подарок. Елена надела шарф и не стала спрашивать, почему Андрей решил взять именно его.

Один из врачей предложил ей поговорить с психологом

больницы. Елена сначала отказалась, сказав, что ей нужно быть рядом с дочерью. Врач ответил, что разговор не отнимет у неё времени и не заставит забыть о Лизе. Она всё же согласилась на короткую встречу, но в кабинете не смогла произнести ничего, кроме имени дочери. Психолог не торопила её. Она спросила, чего Елена боится больше всего. Елена ответила: «Что она очнётся и посмотрит на меня так, как я заслуживаю».

Психолог сказала, что страх не является доказательством будущего и что нельзя заранее решить за Лизу, как онаотреагирует. Елена хотела возразить, что знает дочь, но поняла, насколько мало знает о ней теперь. Она не знала, что Лиза думает о матери, чего ждёт, чего не простит и о чём мечтает. Она знала только собственные догадки. После встречи Елена вернулась в палату и впервые не стала мысленно репетировать объяснение. Она просто села рядом.

На следующий день врач разрешил оставить у кровати тихую музыку. Елена включила одну из старых песен, которую Лиза слушала в машине в детстве. Звук был едва слышен, чтобы не мешать другим пациентам. Елена наблюдала за лицом дочери, не пытаясь найти реакцию в каждом движении. Песня закончилась, и она не включила её снова. Ей хотелось, чтобы музыка была подарком, а не проверкой.

Она не двигалась.

Врач положил ладонь ей на плечо. Елена опустила голову, пальцы сжали край пальто. Через несколько секунд врач

встал и ушёл. Дверь напротив снова закрылась.

Елена посмотрела на свои руки. На правом запястье остался тонкий белый шрам от пореза осколком стекла в ту ночь. Она провела по нему ногтем, потом закрыла лицо ладонями.

Позже, выйдя из палаты, Елена остановилась в приёмном отделении, где пахло антисептиком, мокрой одеждой и кофе из автомата. На полу блестели следы от колёс каталок. Медсестра быстро прошла мимо, придерживая локтем папку, а за ней двигался санитар с пустой тележкой. Елена стояла у стены, не снимая пальто. Когда дверь открывалась, из палаты вырывался тёплый воздух, но до неё он доходил уже холодным.

На подоконнике лежал забытый плюшевый заяц. Одно ухо было вывернуто, на лапе распустился шов. Елена подняла игрушку, отряхнула с неё пыль и поставила ближе к стене, чтобы не упала. На секунду пальцы задержались на мягкой ткани. Потом она убрала руки за спину и вернулась к двери, возле которой ждала.

Врач вышел снова, теперь без планшета. Он остановился напротив Елены и медленно снял очки. Его лицо оставалось спокойным, но усталость проступала в движениях: он потёр переносицу, опустил плечи и ненадолго прикрыл глаза. Елена не отводила взгляда от его рук. Когда он осторожно коснулся её локтя, она вздрогнула всем телом, словно прикосновение было резким ударом.

Из-за двери донёлся короткий сигнал аппарата. Елена сделала шаг вперёд, но остановилась, когда врач поднял ладонь. Он не удерживал её силой; просто оставался между ней и дверью, давая ей несколько секунд. Она опустила руку, которую уже протянула к ручке. Пальцы медленно согнулись, и ногти оставили на ладони маленькие полукружья.

Позже ей разрешили войти. Елена переступила порог, придерживаясь за косяк. В палате свет был мягче, чем в коридоре, а за окном снежная крупа кружилась возле фонарей. Лиза лежала неподвижно, окружённая проводами и прозрачными трубками. Елена подошла к кровати, но сначала не прикоснулась к дочери. Она смотрела, как тонкая полоска света движется по одеялу вместе с дыханием.

Она вспомнила последний разговор с Лизой по телефону. Тогда дочери было пятнадцать, и она позвонила поздно вечером, когда Елена уже лежала в постели. В трубке слышался ветер и шум машин. Лиза спросила, помнит ли мать, как они ездили к морю. Елена ответила, что помнит, и попыталась продолжить разговор, но дочь замолчала. Через несколько секунд Лиза сказала: «Я не помню всё одинаково». Елена не поняла, что именно она имеет в виду, и спросила, что случилось. «Ничего», — ответила Лиза и отключилась.

После звонка Елена долго сидела на краю кровати. Она хотела перезвонить, но боялась, что дочь не ответит или скажет что-нибудь, к чему она не будет готова. Утром она написала короткое сообщение: «Если захочешь поговорить, я на

связи». Сообщение осталось непрочитанным. Елена убеждала себя, что сделала всё возможное, хотя в глубине души знала: это была не попытка приблизиться, а способ оставить дверь приоткрытой, не подходя к ней самой.

Теперь, глядя на неподвижную Лизу, она понимала, сколько раз подменяла поступок намерением. Она хотела прийти, но не приходила. Хотела спросить, но молчала. Хотела объяснить, но ждала, пока дочь сама даст ей возможность. Елена годами представляла, что однажды наступит подходящий момент, когда обе будут готовы. Она не учла, что время не обещает ждать, пока человек соберётся с силами.

— Я не знаю, слышишь ли ты меня, — сказала она. — Но я больше не хочу говорить так, будто ты обязана меня простить. Я не прошу тебя ничего решать. Я просто хочу, чтобы ты знала: я приехала. Я здесь. И если ты откроешь глаза, я не уйду, когда мне станет страшно.

Последние слова прозвучали слишком громко. Елена опустила голову и замолчала. Она не знала, можно ли обещать то, что уже однажды не сумела выполнить. Поэтому не стала повторять обещание. Вместо этого осталась сидеть и держала руку дочери, пока больничные часы отмеряли минуты без видимого изменения.

Позже, выйдя из палаты, Елена оказалась в комнате ожидания. Там стоял автомат с горячими напитками. Елена нажала кнопку, но стаканчик застрял внутри. Она постучала по

корпусу, затем отошла, не пытаясь сильнее встряхнуть машину. Через минуту стаканчик упал в отсек. Кофе оказался слишком горячим, и Елена держала его обеими руками, не отпивая. Когда поверхность перестала парить, она поставила напиток на подоконник и забыла о нём.

На соседнем стуле лежала детская куртка. Рукав свисал почти до пола, а молния была расстёгнута. Елена подняла куртку и аккуратно сложила её на сиденье. Через некоторое время прибежала молодая женщина, забрала вещь и прижала к себе ребёнка, который держался за её пальто. Елена отступила к стене, освобождая им проход.

Куртка Лизы была чёрной, с потёртыми манжетами и маленьким разрывом возле кармана. Елена помнила, как купила её дочери, когда та впервые попросила одежду «не детскую». Они спорили из-за цены, длины рукавов и капюшона. В магазине Лиза стояла перед зеркалом и поворачивалась то боком, то спиной, проверяя, как куртка выглядит в движении. Елена сказала, что она слишком тонкая для зимы. Лиза ответила, что наденет свитер. В конце концов они купили её, и всю дорогу домой дочь держала пакет сама.

Теперь Елена нашла в кармане маленький камешек и билет на автобус, сложенный вчетверо. На билете была дата, но время почти стёрлось. Она развернула бумагу и положила на стол рядом с камнем. Воспоминание пришло неожиданно: Лиза вернулась с прогулки, сняла куртку и сказала, что нашла камень возле остановки. Он был гладкий, серый,

с тонкой белой полосой. Девочка считала, что он похож на маленькую дорогу, которая проходит через гору. Елена тогда улыбнулась и спросила, куда ведёт эта дорога. Лиза ответила: «Туда, где никто не знает, что ты должна быть другой».

Елена не стала выбрасывать билет. Она положила его в конверт, а камень оставила на подоконнике рядом с растением. Вещи не объясняли, почему Лиза ушла, и не давали ответа, что она чувствовала в последние часы. Но они возвращали дочери её собственный голос — не тот, который мать придумывала за неё, а тот, который однажды прозвучал в обычной кухне, среди чашек и вечернего света.

Медсестра принесла чистое бельё и положила его на тележку. Белая ткань была сложена так ровно, что края совпадали с точностью до миллиметра. Елена смотрела, как медсестра расправляет угол простыни и разглаживает складки ладонями. Потом она перевела взгляд на Лизу и осторожно поправила край одеяла, повторяя то же движение.

Вечером в коридоре погасла одна лампа. Свет не исчез полностью, но на полу образовалась длинная серая полоса. Санитар поднял глаза к потолку, проверил выключатель и вызвал электрика жестом через стеклянную дверь. Елена осталась сидеть в полутени, пока новая лампа не загорелась, и только тогда заметила, что всё это время сжимала пальто в кулака

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.